

В открытое окно дышал прохладный ночной ветер. Сквозь сон Бай Шу по привычке потянулся вбок, надеясь уткнуться лицом в плечо Хан Сиэня. Он давно привык засыпать именно так, чувствуя рядом чужое тело — всегда чуть более прохладное, чем у обычных людей.

Эта ночь была особенной, и даже во сне его сердце трепетало от тихой радости. Но сейчас щека коснулась не теплой кожи, а ледяного шелка.

Бай Шу резко открыл глаза. Перед ним лежало пустое, только вчера смененное одеяло. Встревожившись, он поспешно сел и в ту же секунду заметил у окна Хан Сиэня. Тот стоял спиной к кровати, в одной лишь тонкой нательной рубашке.

Его длинные, несобранные волосы мягко колыхались на ветру. За окном простиралась глухая, бездонная ночь, а в спальне ровно горели свечи. И хотя фигура Хан Сиэня была залита мягким теплым светом, казалось, будто он вот-вот растворится в этой темноте. Глядя на его одинокий силуэт, Бай Шу почувствовал, как недавняя радость мгновенно испарилась, оставив после себя лишь щемящую пустоту.

Грудь сдавило от смутного предчувствия. Пальцы судорожно сжали край одеяла.

— Сиэнь, — негромко позвал он.

Хан Сиэнь обернулся. В его глубоком, темном взгляде скользнуло едва заметное колебание — в нем словно читалось все то, что осталось невысказанным, и в то же время не было совсем ничего. Он подошел ближе и сел на край постели.

— Почему ты не спишь? — тихо спросил он. Обычно Бай Шу спал крепко и чуткостью не отличался.

Бай Шу потянулся к его руке — пальцы Хан Сиэня оказались ледяными, видать, он действительно долго простоял у открытого окна. Бай Шу опустил голову. Рассыпавшиеся по плечам пряди скрыли половину лица, пряча от чужого взгляда его тревогу. Сиэнь редко вел себя так. Раз он так долго стоял на ветру в одиночестве, не значит ли это, что его тяготит их новая близость?

При этой мысли сердце Бай Шу болезненно сжалось. Ему отчаянно хотелось спросить: «Ты жалеешь о том, что случилось?», но он вовремя прикусил язык. Вместо этого он тихо пробормотал:

— Сиэнь... Мне только что приснился такой чудесный сон...

Он вспомнил, как когда-то упрямо твердил брату, Бай Вэньханю: «Если Хан Сиэнь хоть раз обидит меня, я убью его». Но жизнь распорядилась иначе. Сейчас он не то что за меч взяться — он даже неосторожным словом боялся ранить этого человека.

В голове царил полнейший сумбур. Бай Шу то замирал от страха, что Сиэнь действительно назовет все произошедшее лишь сном, то вновь уносился мыслями в тот момент, когда они целовались. Поцелуй Сиэня не был похож на его собственные неумелые попытки просто коснуться губ губами. Это был настоящий, глубокий поцелуй — чувство, которого он прежде никогда не знал.

Этот поцелуй, обжигающий и хмельной, точно самое крепкое вино, заставил все его тело загореться и ослабнуть. Когда пальцы Сиэня скользили по его коже, у него не оставалось сил сопротивляться — он просто позволил утянуть себя в этот безумный водоворот.

Мечась между надеждой и страхом, Бай Шу чувствовал, что сходит с ума.

Вдруг раздался тихий смешок. Бай Шу удивленно вскинул голову и встретился с улыбкой Хан Сиэня — мягкой, чистой, отразившейся в его потеплевших глазах.

— И что же это за чудесный сон? — спросил Сиэнь. — И почему ты решил, что это всего лишь сон?

Бай Шу ошарашенно захлопал ресницами:

— Значит... всё по-настоящему?

Хан Сиэнь тихо вздохнул. В этом вздохе слышалось и смирение перед судьбой, и твердое обещание:

— Конечно, не сон.

Он сам сделал этот шаг, сам поцеловал его, позволив их отношениям свернуть на совершенно иную дорогу. Разве такое может быть сном? И неважно, поддался ли он тогда искушению, поддался ли мимолетному порыву изменить свою жизнь — выбор был сделан. А Хан Сиэнь не привык жалеть о содеянном или малодушно притворяться, будто ничего не случилось.

Глаза Бай Шу вспыхнули от счастья, он неосознанно подался вперед. По одному этому движению Сиэнь понял, чего тот хочет. Его взгляд опустился на губы юноши — припухшие, более яркие, чем обычно. Это был его след.

Хан Сиэнь прикрыл глаза и снова поцеловал его. На этот раз поцелуй был легким, почти невесомым, без капли страсти. Оторвавшись от его губ, он лег обратно и тихо сказал:

— Ночь еще долгая. Спи.

Бай Шу согласно угукнул и, переполненный тихим восторгом, крепко сжал ладонь Сиэня,

закрывая глаза. Сиэнь тоже закрыл глаза. Но заснули ли они на самом деле — знали только они сами.

Бай Шу никогда не узнает, какого мужества стоил Хан Сиэню этот первый шаг. Сколько страха и подсознательного ужаса перед близостью ему пришлось преодолеть. Пока юноша спал, Сиэнь стоял у окна, мысленно бередея старые душевные раны. Он горько усмехался собственной глупости в прошлой жизни и раз за разом повторял себе: Бай Шу другой. Он не предаст.

И когда проснувшийся Бай Шу робко вернул ему право выбора, Сиэнь подумал: «Ладно. Пусть будет так». Он больше не тот беспомощный дурак, каким был когда-то. К тому же, он в любую секунду может слышать искренние, неприкрытые мысли Бай Шу. Тот, чье сердце открыто перед ним до последнего стука, просто физически не способен на предательство.

Почувствовав, как Бай Шу придвинулся ближе, ища тепла, Сиэнь обнял его, притягивая к себе.

— Спи, — негромко пробормотал он в полусне.

Сердце Бай Шу колотилось так бешено, словно готово было выпрыгнуть из груди. Чувства, которые он не успел осознать во время первого поцелуя, теперь бурлили через край.

«Он обнял меня... Прижал к себе... Значит, я ему тоже нравлюсь? Ведь так?» — без умолку твердил его внутренний голос.

Хан Сиэнь поначалу с улыбкой слушал этот восторженный мысленный лепет. Однако вскоре фантазии юноши зашли куда дальше невинных объятий — в мыслях Бай Шу одна за другой начали всплывать весьма недвусмысленные картины их возможного совместного будущего. Слыша, как тот мысленно сгорает от смущения и одновременно предвкушает непозволительные вольности, Сиэнь почувствовал, как у него начинает раскалываться голова.

Лишь глубокой ночью вихрь мыслей в голове Бай Шу наконец утих. Облегченно вздохнув, Хан Сиэнь провалился в глубокий сон.

После той ночи их отношения разительно изменились. Если раньше Бай Шу еще пытался соблюдать приличия и крал поцелуи лишь под покровом темноты или когда они оставались наедине, то теперь он отбросил всякую стыдливость. Стоило ему захотеть — и он целовал Сиэня без лишних раздумий. Юноша стал куда смелее.

Однажды в поместье без предупреждения пожаловал Цзи Ло. Хан Сиэнь, конечно, почувал его приближение, но оттолкнуть Бай Шу не успел. В итоге Третий принц, зайдя во двор, застал весьма однозначную картину: Бай Шу преспокойно восседал на коленях хозяина дома, обвив

руками его плечи.

Пока ошеломленный Цзи Ло пытался переварить увиденное, Сиэнь хладнокровно приказал слугам выставить незваного гостя за ворота.

Оказавшись на улице перед воротами Поместья маркиза Вечного Покоя, Цзи Ло наконец пришел в себя. Он ведь пришел обсудить важнейшее государственное дело — прибытие послов из Сижуня! Как его вообще умудрились выставить, прежде чем он успел открыть рот?

Выругавшись про себя, принц решительно повернул обратно. Когда он вновь вошел в покои Сиэня, те двое уже сидели порознь. Взгляд Цзи Ло так некстати скользнул по припухшим, подозрительно алым губам Бай Шу. В голове шевельнулась странная мысль: буквально перед отъездом Бай Вэньхэня они пили вместе вино, и тот до смерти тревожился за младшего брата, боясь, что его безответные чувства закончатся лишь разбитым сердцем.

Цзи Ло не навещал их всего несколько дней. Что, во имя всех богов, могло произойти за это время, раз их отношения продвинулись столь стремительно? Да и, судя по всему, Хан Сиэнь отнюдь не выглядел жертвой чужого напора.

Хан Сиэню не было никакого дела до того, какие бури бушуют в мыслях гостя. Повернувшись к Бай Шу, он сухо заметил:

— Разве ты не собирался в лавку за новыми повестями?

Бай Шу задорно улыбнулся, кивнул и, ничуть не смущаясь присутствия принца, упорхнул прочь из поместья.

Когда за юношей закрылась дверь, Цзи Ло опустился в кресло напротив Сиэня. После недолгого молчания он негромко спросил:

— У вас всё серьезно?

Строго говоря, принц не имел права задавать подобные вопросы — он не был родственником Бай Шу. Но, вспоминая преданность и тревогу генерала Бая, он чувствовал себя обязанным присмотреть за его младшим братом.

— Да, — лаконично отозвался Хан Сиэнь.

Цзи Ло на мгновение опешил от такой прямоты, а затем невольно вздохнул:

— Признаться, я до последнего не верил, что у Бай Шу хоть что-то получится.

Хан Сиэнь казался глыбой льда, нет, даже хуже — лед можно растопить огнем, а Сиэнь оставался непреклонен ко всему на свете. Цзи Ло даже слов не находил, чтобы описать его характер. Этот человек казался абсолютно неуязвимым: его не пугала смерть, не волновали чужие судьбы, а на императора и самого принца он взирал с ледяным равнодушием.

Принц видел чувства Бай Шу как на ладони. В глубине души он искренне желал юноше удачи, но разум твердил, что растопить это сердце — задача невыполнимая. И все же это случилось. Раз уж Хан Сиэнь признал эти отношения, сомневаться не приходилось.

Отбросив лишние мысли, Цзи Ло негромко произнес:

— А ведь вы действительно подходите друг другу. Помнишь, как в Сицзяне Бай Шу едва не погиб? Находясь на волосок от смерти, он бредил лишь об одном: если его не станет, в этом мире больше никто не будет любить тебя искренне и безраздельно. Он боялся, что ты до конца дней останешься в полном одиночестве.

Цзи Ло горько усмехнулся, вспоминая былые опасения:

— Тогда я всерьез думал: если он погибнет, с какими словами я вернусь в столицу и предстану перед тобой? Скажи честно... если бы Бай Шу тогда действительно умер, что бы ты сделал?

Последний вопрос прозвучал совсем тихо, словно принц задавал его не столько Сиэню, сколько самому себе.

Хан Сиэнь промолчал.

«Что бы я сделал?» — подумал он.

Наверное, продолжал бы жить как ни в чем не бывало. Но больше никогда и никого не подпустил бы к себе даже на шаг. Влачил бы тихое, беспросветно одинокое существование до самой смерти — не зная любви и никого не любя в ответ.

Конечно, вслух он этого не произнес. Он принял чувства Бай Шу во многом именно из-за того случая на границе: юноша, умирая, думал лишь о нем. По сравнению с чистой, жертвенной душой Бай Шу сам Сиэнь оставался эгоистом. Ему требовалось чужое абсолютное, безграничное самоотречение, чтобы в ответ одарить человека лишь жалкой крупницей тепла.

Цзи Ло не ждал ответа. Поняв, что развивать эту тему Сиэнь не намерен, он спокойно сменил русло разговора:

— Через десять дней в столицу прибудет посольство из Сижунa. Они везут золото, серебро и редкие дары в знак покорности. Чтобы доказать искренность своих намерений, правитель Сижунa отправил к нашему двору своих детей — Пятую принцессу и Четвертого принца.

— Император хочет навязать эту принцессу тебе в жены? — равнодушно спросил Сизнь.

Принц небрежно кивнул:

— Отец действительно намекал на это, но я вежливо отказался. Красота иноземных дев — удел ценителей, да и негоже мне, человеку, который только что громил их войска на границе, брать в жены их царевну.

Император счел доводы сына разумными и быстро подыскал заморской красавице другого жениха — Первого принца, Цзи Фаня.

— Изначально мы требовали, чтобы в столицу явился Третий принц, Хуянь Лу, — продолжил Цзи Ло. — Но тот внезапно сломал обе ноги и теперь прикован к постели. Вместо него правитель Сижунa присылает Четвертого принца. О нем почти ничего не слышно, говорят лишь, что он труслив и ни на что не годен. Жаль. Я всем сердцем надеялся увидеть в столице Хуянь Лу — уж я бы приготовил для него достойный прием. Но старый правитель так дорожит своим любимчиком, что даже под угрозой полного уничтожения страны не пожелал выдать его нам.

Прибудь Хуянь Лу в столицу Великой Чжоу, Цзи Ло позаботился бы о том, чтобы тот отсюда не уехал живым. Но враг оказался хитер и жесток к самому себе: он предпочел собственноручно изувечить собственные ноги, лишь бы не попасть в почетный плен в имперском городе.

Впрочем, рано или поздно их пути все равно пересекутся. Возможно, к тому моменту сам Цзи Ло взойдет на престол Великой Чжоу, а Хуянь Лу приберет к рукам власть в Сижуне. К счастью, в этой жизни путь Третьего принца к трону будет куда более тернистым, чем в прошлой. Имея под рукой послушного Четвертого принца, Цзи Ло сумеет разжечь в Сижуне пламя внутренней уособицы.

Все это лежало в плоскости далекого будущего. Цзи Ло лишь на мгновение задумался об этом, никак не выдав своих мыслей внешне.

Посмотрев на Сизня, он добавил:

— На самом деле сегодня я пришел по поручению отца. Он желает знать, поправишься ли ты к моменту, когда в императорском дворце устроят торжественный пир в честь сижунских послов.

Император выразился весьма недвусмысленно: «Посланники Сижунa нечасто посещают наши края, а маркиз Вечного Покоя уже имел честь познакомиться с ними на границе. Хотелось бы знать, позволит ли здоровье маркиза присутствовать на приеме?»

Цзи Ло передал слова государя без прикрас, но крайне точно.

Хан Сизнь одарил принца мимолетным взглядом и ровным голосом ответил:

— Хотя на улице и холодает, а мое здоровье оставляет желать лучшего, упускать возможность взглянуть на сижунских гостей я не намерен. Хочется воочию оценить их былую спесь.

<http://bllate.org/book/20088/2002115>